

Восемь внедорожников экстренной медицинской помощи рассказывают эту историю.

Шестнадцать мужчин и женщин в возрасте пятидесяти лет рассказывали истории.

Чикё в инвалидном кресле рассказывает историю.

Кифа рассказывала истории.

Гоко рассказывал историю.

Кто рассказывает более трогательную историю?

Кто рассказывает более грустную историю?

Как грустная история разыгрывается вокруг четырехколесника, люди скорбят от сердца и возмущаются Кифой.

Но когда сказка о горе повествуется в горестном тоне Гондко, то не знаешь, куда идти с горем.

Должны ли они скорбеть о том, что случилось с Конгци? Или я должен скорбеть о трагедии Чикё?

Чья история - зарождающаяся история, а чья - более поздняя?

Слезы перелились на лицо Цукико, печаль перелилась в сердцах людей, и прикосновение смущения перелилось по всему конференц-залу.

Да, неловко.

Люди и немного грустны, и немного смущены.

Если то, что сказал Цуяко, правда, то насилие Норифы знаменито.

Можно ли сказать, что король У Чжоу был жестоким и недобрым в своем завоевании Чжоу?

Можно ли сказать, что праведный крестовый поход против зла - это гнев Божий?

Если бы восемь человек на четырехколесном транспорте пострадали по-своему, достойны ли они сочувствия?

Прекрасная семья, разрушенная ими, нерожденный ребенок, убитый ими, взрослый мужчина, заставивший плакать из-за того, что они сделали.....

Праведное негодование людей внезапно сбилось с пути, и они не знают, куда должна идти эта праведность и куда должно быть направлено это негодование.

В этот момент голос Яо Цзина зазвонил в нужное время.

"Третья информация, которую мы получили, была о том, что Цуко и Рей были избиты. Когда мы прибыли в больницу, Рэй была в коме, белой и бескровной, с множественными переломами костей. Если бы вы посмотрели внимательно, вы бы заметили, что Цуёси ходил с легкой хромотой, потому что у него была сломана кость в правой ноге и на теле. Множественные ушибы мягких тканей".

"В то время Кифа, как владелец Чёрно-белой газеты, сказал нашей Чёрно-белой газете закрыть двери и привёл всех в больницу навестить Конгци и Рей. . Это все из черно-белой прессы.

Зависть пары и наших хороших друзей. Когда они попали в такую ситуацию, толпа черно-белой прессы была полна праведного негодования и хотела отомстить Летучей прессе".

"Гифа ничего не сказал, кроме того, что если дело не будет доведено до конца, он больше никогда не будет достоин быть владельцем черно-белой газеты. Итак, Кифа привел нас к Летающей Прессе. Когда они прибыли на вход Летающих Новостей, Wang Yan и другие как раз случайно вышли. Джентльмены, если бы вы были Кифой в это время, что бы вы сделали?"

Когда Яо Цзин сказал эти слова, в комнате было тихо на мгновение.

Люди ставят себя в положение, когда их сотрудников бьют до выкидыша, и это кажется негуманным. После этого Цзи Фа, который находится в состоянии гнева, встречает виновника, Ван Янь, и других, и естественно прощен за его жестокость.

Люди вдруг понимают, что все происходит не просто так, и есть причина, по которой Кифа избивает людей.

Если раньше люди говорили, что даже если у Кифы была причина кого-то избить, он не должен был так сильно избивать, то теперь, когда они услышали историю про Ганг-джа, люди, похоже, считают, что избиение Кифы очень облегчает ситуацию.

И буквально за минуту до этого толпа просто раскололась и оскорбила Кифу.

Итак, атмосфера между сценами снова стала неловкой.

Пара английских бровей Линкси яростно поднималась, кончики бровей иногда дрожали, иногда поднимались, а лицо на мгновение затуманивалось.

"Кифа избивает людей именно по этой причине?"

Линси подняла голову и посмотрела на Цзи Фа и Яо Цзин на высокой платформе, ее глаза сузились, не зная, что делать.

Репортеры становятся громче.

"Если бы мы были Кифой, что бы мы тогда делали?"

"Серьезно, когда я увидел слезливое лицо того молодого коллеги, я захотел превратиться в старого бога и вернуть его ребенка к жизни", К сожалению, у меня не хватает выносливости для этого. И вот это бессилие превратилось в горе и гнев. Мне интересно, что это горе и гнев заставили бы людей делать в такой ситуации".

"Правда в том, что люди знают, что они могут делать только в гневной ситуации, но они игнорируют тот факт, что Кифа является владельцем черно-белой прессы. а не родители раненых сотрудников. Как вы думаете, что бы сделал средний работодатель, если бы работник получил травму? Они пойдут только по легальному пути и помогут разумно.

Работа получает выгоду от победы, но никогда эмоционально".

"Да, Кифа - самоудовлетворенный презиратель, но он также собирается помочь работникам под его командованием вывести дурной вкус. Если такой босс плохой, то какой босс хороший?"

"Если это правда, я бы хотел служить под таким боссом".

Эта сцена вызвала плач у черно-белой прессы, в то время как толпа Летающей прессы выглядела крайне уродливо.

Ван Янь, казалось, предвидел этот образ, и вместо того, чтобы паниковать, она прочистила горло, как бы напоминая кому-то о том, что нужно делать.

Когда кашель Ван Яна приземлился, репортер в первом ряду встал.

Репортер - блондинка, с волнистыми локонами на спине, красивым лицом и микрофоном в руке, достаточно свободно владеющая китайским языком. На вопрос: "Господин Ки, наверное, уже сейчас все будут тронуты историей вашего подчиненного и подумают, что вы герой. Персонажи. Но как ты думаешь, правильно ли бить кого-то?"

Вместо того, чтобы задать вопрос о том, что Цзи Фа должна делать как босс, иностранная журналистка силой вырвала этот вопрос из контекста и просто сказала, что Цзи Фа ударил кого-то, кто слегка приподнял бровь.

В то время, когда ни одной из сторон не доверяют настолько, чтобы ей доверяли в полной мере, слова каждого, кто говорит на публике, могут легко привести эмоции людей туда, куда они хотят попасть.

Именно угадывая психологическое состояние людей в это время, Ван Янь сделал такой шаг.

Конечно, когда женщина-репортер задала вопрос, люди посмотрели на Кифу.

В это время все восемь четырехколесных транспортных средств с травмами также жалко стонали в нужное время, а мужчины и женщины в возрасте пятидесяти лет были в слезах.

Кифа посмотрел на ребят, играющих, затем посмотрел в первый ряд иностранных репортеров и поднял брови: "Бить - это неправильно".

Ответ Чжи Фа так честно заставил брови группы Lingxi вязать в узлы.

Если бы Цзи Фа был силен, Линси бы вместо этого почувствовал, что он не виноват. Но перед лицом очевидных трудностей иностранной журналистки, Цзи Фа способен признать, что он был неправ, ударив кого-то, вместо того, чтобы произвести впечатление на Линси.

Может быть, он действительно мастер? Сердце Линкси внезапно разбилось.

.....

(Конец главы)